

Акбаров А.
**Семантический анализ
различных типов дискурса
в трудах Руми и Диздара**

Самый выдающийся суфийский мыслитель Мевлана Джелал ад-Дин Мухаммад Руми (родился в 1207 году в городе Балх, бывшем в то время крупным городом провинции Хорасан – 1273, Конья, Турция) и боснийский поэт Махмедалия Мак Диздар (1917, Столац, Босния и Герцеговина-1971, Сараево, Босния и Герцеговина), разделяемые семьями годами и двумя разными языками, казалось бы, слишком далеки и непохожи. Первый творил на персидском языке, а второй использовал местные боснийские идиомы – оба работали как будто бы в разных, нематериальных направлениях. Тем не менее, при аналогичных условиях этих двух писателей объединяют общий исторический фон и одинаковое отношение к лаконичности языка. Данная статья посвящена семантическим особенностям поэзии Руми и Диздара с учетом различных дискурсов, представленных в их трудах. Учитывая символы и архетипы в работах данных поэтов, а также уникальность языка каждого из них, в настоящей статье будут обсуждаться разные подходы к одним и тем же темам.

Ключевые слова: Мевлана Руми, Мак Диздар, традиции суфизма, семантические свойства, анализ дискурса, символы.

Akbarov A.
**Semantic analysis of different
types of discourse in the works
by Rumi and Disdar**

The most outstanding Sufi thinker Mevlana Jalal al-Din Muhammad Rumi (1207, born in 1207 in the city of Balkh, the largest city in the province of Khorasan -1273, Konya, Turkey) and the Bosnian poet Mak Dizdar Mahmedaliya (1917, Stolac, Bosnia and Gertsegovina- 1971 Sarajevo, Bosnia and Herzegovina), separated by seven hundred years and two different languages, seem to be too distant and dissimilar. The first one worked in the Persian language, and the other used the local Bosnian idioms – both seemed to have been working in different, non-tangible ways. However, under similar conditions, these two writers share a common historical background and the same attitude to conciseness of the language. This article is about semantic peculiarities of Rumi and Disdar's poetry based on different discourses, represented in their works. Various approaches to the one and the same topics are described in relation to symbols and archetypes, and uniqueness of their language.

Key words: Mevlana Rumi, Mak Dizdar, traditions of sufism, semantic characteristics, discourse analysis, symbols.

Акбаров А.
**Руми және Диздара
еңбектеріндегі дискурстардың
әртүрлі үлгісіне
семантикалық талдау**

Суфизмнің ең белгілі ойшылы Мевлана Джелал ад-Дин Мухаммад Руми (1207 жылы Балх қаласында туған, Конья, Түркия, Хорасан провинциясының бұрынғы қаласы – 1273, Конья, (Түркия) және Босния ақыны Махмедалия Мак Диздар (1917, Столац, Босния және Герцеговина – 1971, Сараево, Босния және Герцеговина) туған жылы және тілі жағынан бір-бірінен алыс, ұқсамайтын болып көрінеді. Біріншісі парсы тілінде, екіншісі жергілікті босния идиомаларын қолданып, екеуі де түрлі, материалдық емес бағытта жұмыс істеген сияқты. Соған қарамастан екі жазушыны тарихи жағдай мен тілдің тұжырымына қатынасы біріктіреді. Бұл мақала Руми және Диздар еңбектерінде ұсынылған дискурстардың әртүрлілігі ескеріліп, поэзияның семантикалық өзгешеліктеріне арналған. Айталмыш ақындардың еңбектеріндегі түртінділер мен архетиптерді, сонымен қатар әрқайсының тілінің бірегейлігін ескере отырып, мақалада бір тақырыпқа әртүрлі тәсілдердің қолдануына талдау жасалады.

Түйін сөздер: Мевлана Руми, Мак Диздар, суфизм дәстүрі, семантикалық ерекшелігі, дискурс анализі, таңбалар.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА В ТРУДАХ РУМИ И ДИЗДАРА

Введение

Традиции суфизма в Боснии и Герцеговине восходят к концу 15-го века, когда Османская империя завоевала Балканы. Орден Мевлеви с его поэтическим появлением и пропагандой любви и терпимости был быстро принят большинством православных христиан, и вскоре он стал первым послем Ислама в Боснии [1, 66-67]. Поэзия Руми довольно скоро стала одной из самых читаемых и переведенных между новыми балканскими членами данного ордена. Боснийцы, будучи великими сторонниками поэтического выражения, не только переводили и заучивали наизусть поэмы Руми, но также пытались написать свои собственные версии поэзии Дивана. Даже на тех, кто не выражал свои мысли письменно в данной поэтической форме, она косвенно оказала свое влияние [2, 3].

Этот тип исламского понимания – динамичный и терпимый – предложенный орденом Мевлеви, оказал влияние на людей не только с точки зрения литературы и языка, но также оставил место для симбиоза этнического наследия местного населения и культурного, психически-интеллектуального объединения двух религий [2, 3]. Согласно историй, передаваемых из поколения в поколение, последний член Богомильской¹ религии передал свой жезл власти первому Боснийскому шейху ордена Мевлеви. Несмотря на то, что эта история, скорее всего, является образной, она демонстрирует важность ордена Мевлеви в средневековой Боснии и его влияние на самых выдающихся мыслителей.

Мевлана Джелал ад-Дин Руми, трагический герой своих произведений, с его богатым воображением и огромными знаниями, с одной стороны, и Мак Диздар – с «Каменным спящим» – как обычно боснийцы называют рисунки людей на Богомильских надгробиях (Боснийский: *stećci*) – в качестве героя-воина, представляют полную противоположность друг другу.

Тем не менее, эти два писателя, несмотря на сконцентрированность на двух разных направлениях и двух разных язы-

¹ Богомил – член дуалистической религиозной секты, процветавшей на Балканах с 10 по 15 века. Богомилы получили свое название по имени основателя – священника Богомила (Энциклопедия Британника)

ках (в особенности, Мак Диздар, создававший свои творения на местном боснийском, существовавшем до Османской империи, и не использовавший каких-либо заимствованных слов из турецкого языка), связаны одной общей темой. Этой темой является использование своего языка для объяснения критической битвы в себе, что представляет собой идею как ислама, так и богомилства.

И Руми и Диздар, опираясь на силу языка и потенциал его звучания [3, 15], создают различные типы дискурсов в своих трудах. Иногда эти дискурсы являются полной противоположностью друг другу, но в других случаях они так изумительно перекрывают друг на друга, что мы могли бы спросить себя, действительно ли Диздар, будучи творцом более позднего периода, не желая того основывался на поэзии Руми и, таким образом, воспроизводил традиции суфизма в своих произведениях.

Рассуждения о сущем в поэзии Руми и Диздара

Когда Руми, в своей книге *Маснави*², задает вопрос о том, Кто мы / О Ты, душа нашей души / говоря о том, что мы должны оставаться вне себя, он имеет в виду существование. Согласно суфийских традиций, можно быть по-настоящему свободным лишь полностью отрицая свое эго и сливая его со Вселенной. Таким образом, человек полностью освобождается от себя, подтверждая существование только Одного: «Ну», являющегося суфийским вариантом арабского личного местоимения «Его» при обращении к Богу:

Hareketimiz de, varlığımız da senin vergindir. Varlığımız utumiyetle senin icadındır. [4, 605]

We and our existences are really non-existence; thou art the absolute Being which manifests the perishable

Мы со своим существованием на самом деле не существуем;

Ты – абсолютное Бытие, доказывающее тленность всего.

[5, 599-607]

² Маснави, серия двестишестидесятишести (куплетов) в ритмичных парах (aa, bb, cc, и т.д.), представляющая собой особый признак Персидских стихотворений, используемый в основном в героической, исторической и романтической эпической и дидактической поэзии (Энциклопедия Британника).

С другой стороны, при чтении поэм Диздара, написанных от первого лица единственного числа богомильским воином в роли рассказчика (далее в этой статье – «Каменный спящий»), и принимая в качестве предпосылки дуалистическую веру богомилов, можно увидеть полностью противоположное отношение к существованию. «Каменный спящий» с одной высоко поднятой рукой и решительной позой, как бы говорит нам, что он остается, что его существование не поддается сомнению, и никакая земная сила не сможет уничтожить его.

Ti si nakanio da me pod svaku cijenu uništiš
Ali nikako da nađeš
Istinski put
Do mene
[6, 18]

You've decided to root me out at any price
But nowhere will you find
The real road

To me
Ты решил уничтожить меня любой ценой
Но ты нигде не найдешь
Настоящего пути
Ко мне
[7, 19]

Вопрос существования в трудах Руми и Диздара поднимает еще один важный момент: их отношение к символу *камня*. В поэзии Руми, термин *камень* используется для описания черного сердца, которое требует исцеления. Таким образом, камень должен быть разбит на куски для того, чтобы сердце могло быть возрождено.

Для «Каменного спящего» у камня есть еще одно противоположное значение: смысл сохранения. Он говорит, «Я здесь. Я не собираюсь исчезать, и вы никак не сможете уничтожить меня».

Символическое значение астрономических объектов и того, что спускается с небес

Несмотря на противоположное отношение к существованию, точки зрения Руми и Диздара представляются несколько ближе, когда речь идет о Вселенной. И у суфиев, и в старой дуалистической боснийской религии, Солнце, Луна и звезды наделены высшим, таинственным значением. Один боснийский поэт ордена Мевлеви написал, «Утром его разум вознесся к Вселенной, где стал свидетелем печальной сцены: Венера – лидер и Меркурий – шейх, создают круги. Юпитер и Сатурн выступают в качестве лидеров мистики. На земле остался лишь тасбих (четки)» [2, 7].

а) Солнце

И для ордена Мевлеви и богомилов, Солнце в качестве лидера звезд представляет собой

высшего священника (для богомилов), то есть – шейха (для суфиев).

Символ Солнца, часто упоминающийся в поэзии Руми, имеет еще одно важное значение. Во многих случаях, этот символ является метафорой учителя Руми – Шамс Тебризи, оказавшего большое влияние на поэта:

*Bu güneş, taç veya
Allah'ın lütfuden bir
kaftan istemez.
O, yüz dazlak insanla-
rın için bir örtüsü
On tane çıplağın için
bir kaplamasıdır.*
[8, 35]

*This Sun doesn't want a crown or
robe from God's grace.
He is a hat to a hundred bald men,
a covering for ten who were naked.
Этому Солнцу не нужна корона
или одеяние от благодати Божь-
ей.
Оно само шляпа сотне неприкры-
тых людей,
Укрытие десяткам обнаженным.*
[9, 35]

В поэме Диздара «Солнце» автор описывает светило как товарища, лидера, друга, пришедшего поделиться своей красотой и затем внезапно исчезнувшего, практически повторяя чувства Руми:

*I obasja sve staze, sva
raskršća i stranputice
I u sjaju pokaza svoje
oranje i naše lice
Postadosmo bliski pa
smo kao jedno
I jeli i pili kao od
iskoni da smo tu bili
Nije navraćalo sunce
od ljeta do ljeta samo
I na jalovoj dolini
cvijet do cvijeta
procvjeta
Mlado sunce se
nenadno iskrade od
nas
Kuda je otišlo to i zašto
To sam dobri bog sada
može da zna*
[6, 45]

*And he shone on every byway on
every track and fork
His furrows and our faces blazed
out in his rays
Then we embraced as if at a long-
awaited sign
We came together and became as
one
We ate and drank as if we'd always
done
He wasn't just a summer caller this
sun of ours
Even the barren valley blossomed
full of flowers
All of a sudden our young sun stole
away from us
Where he went to why and how
Only the good Lord knows that now
Он сиял на любом пути и рас-
путье
Его морщины и наши лица разгла-
живались в его лучах
Затем мы обнялись, как будто
ожидая долгожданного знака
Мы сблизились и стали одним
целым
Мы ели и пили, как будто делали
это всегда
Наше солнце не только вызывало
лето
Даже бесплодная долина расцве-
тала тысячами цветов
И вдруг наше солнце было у нас
украдено
Куда, почему и как оно ушло
Только Господь Бог знает*
[7, 46]

б) Тасбих в качестве звезд

Хотя тасбих и не является астрономическим объектом в буквальном смысле, а скорее образным (как правило, связан с космосом в суфийских традициях), он обычно присутствует во Вселенной в качестве образа общества и последователей религии в большинстве поэм Руми.

Несмотря на то, что Диздар, творивший на местном боснийском с 15го века, не использует восточных слов, фигуры людей, нарисованные на надгробиях и называемые «коло», имеют тот же астрономический смысл: звезды, и звезды в качестве обществ, остающихся вместе.

в) Дождь

Смысл дождя в поэзии двух авторов представляет собой еще одну поразительную вещь. В мифологии, дождь связан с потопом, олицетворяющим не возмездие Бога, но очищение Земли от всей скверны (в данном случае, неверующих). И в исламе и в христианстве говорится о таком великом потопе, и обе эти религии отождествляют дождь с милосердием и справедливостью, а не наказанием:

*Ve deryanın suyu
gökyüzüne yükselmemesi
eğer;
Bitkiler nasıl büyüyecek,
akarsu ve hassas yağmur
ile koşturdu?*
(Ergin, Rumi: 1982: 35)

*And if the ocean's water would
not rise to the sky,
How would the plants be
quickenened by streams and gentle
rain?*

*Если морская вода не подни-
мется к небу,
Как ускорится рост растений
ручьями и кротким дождем?*
(Шиммель: 1996:21)

*Trebalu bi opet naučiti
Da slušamo kako dažd
pada pada
Trebalu bi htjeti
I svu noć bdjeti slušajući
kako dažd pravedni pada
Pada pada*
[6, 59]

*We need to learn again
To listen to the rain the rain
(...)We need to wish with all our
might
And listen all night to the rain
the rain the righteous rain*

*Нам следует снова научиться
Слушать дождь
(...) Мы должны желать это-
го всей душой
И всю ночь слушать дождь,
праведный дождь*
[7, 60]

Сама, тишина и символ поднятой руки

Слово «сама», известное на английском языке как кружение дервишей, имеет арабские корни и означает «слышимость, слушание». С семантической точки зрения, для того, чтобы добиться слышимости следует убедиться, дос-

тигнуто ли состояние полной тишины. Так как язык неотделим от невербальной коммуникации, эта тишина сопровождается движением рук, или в ином случае лучше придерживаться их неподвижности, подняв правую руку и опустив ее.

На надгробиях богомилов есть изображение с поднятой правой рукой и левой, покоящейся на левом бедре. Эта рука, как отмечает Диздар, представляет собой призыв к тишине и созерцанию – то же самое, к чему стремится зикр «сама».

В одной из своих поэм Руми говорит:

<p><i>Dün gece, ruyamda Kadim 'i gördüm aşk bahçesinde, Eliyle işaret etti, 'bana gel' diye.</i> [8, 82]</p>	<p><i>In a dream last night I saw an an- cient one in the garden of love, beckoning with his hand, saying, «Come here.»</i></p> <p><i>В прошлую ночь во сне я видел старца в саду любви, Манящего к себе рукой и говоря- щего, «Приди.»</i> [10, 33]</p>
--	--

Сравнивая со строками поэмы Диздара «Rad-
imlja» можно заметить, что пропагандируется тот же „призыв к тишине«:

<p><i>Ova ruka kaže ti da staneš I pomno pogledaš na svoje ruke</i> [6, 63]</p>	<p><i>This hand tells you to stand And think of your own hands</i></p> <p><i>Эта рука призывает остано- виться И задуматься о своих собствен- ных руках</i> [7, 64]</p>
---	---

Единственное различие между идеями рук и тишины в концепциях Руми и Диздара состоит в том, что в традиции Мевлеви «сама» следует кружение дервишей, в то время как «Каменные спящие» требуют полной устойчивости. Причина этого может заключаться в том, что, как отмечалось Руми, «Многие пути ведут к Богу, я выбрал путь музыки и танца». С другой стороны, идея устойчивости в поэзии Диздара проис-

текает из того факта, что «Каменный спящий» уже мертв и неподвижен:

<p><i>Davno sam ti legao I dugo ti mi je ležati</i> [6, 89]</p>	<p><i>Long have I lain here before thee And after thee Long shall I lie</i></p> <p><i>Долго лежал я здесь до тебя И после Долго еще должен лежать</i> [7, 90]</p>
---	---

Понятие жизни и смерти

Лучшим способом завершить сравнение значений дискурсов двух авторов является сравнение начала и конца: жизни и смерти. Понятие жизни и смерти в поэзии и Руми и Диздара включает освобождение себя. ни один из них не утверждает, что человеческая сущность имеет над ними власть. Фактически, Диздар говорит:

<p><i>Ni život ni smrt ne pripada meni Ja sam samo onaj koji je u sjeni</i> [6, 67]</p>	<p><i>Life nor death is mine for I'm Just one in the shade of One ni жизнь моя и ни смерть, я Всего лишь один в тени Его</i> [7, 68]</p>
---	--

Заключение

Язык – это гораздо больше, чем просто использование слов. Общей чертой этих двух авторов является вера в бесконечную, почти мифическую силу языка. Несмотря на разницу времен, религии и языков, один исторический факт – религия (суфийские традиции и богомизм) объединил их труды и показал, что даже при работе с различными темами, некоторые основные вопросы остаются одинаковыми.

И Руми и Диздар оставили в качестве языкового наследия шедевры, достойные всестороннего изучения, изумляя нас тем, как многого можно достичь, используя лишь ограниченное количество слов.

References

- 1 Ilić, Slobodan, Hurufijski Pjesnik Vahdeti Bosnevi i njegov Divan / The Hurufi Poet Vahdeti and his Diwan. – Sarajevo 1989. – С. 66-67.
- 2 Čehajić, Džemal, Jelal ad-Din Rumi and Mevlevizam in Bosnia and Herzegovina / Izraz. – 1973. – № 10. – С. 1-8.
- 3 Šator, Muhamed, Language and Style of Mak Dizdar, Stolac / Slovo Gorčina. – 2013. – С. 15-17.
- 4 Rumi, Mesnevî-Şerif Cilt 1.

- 5 Winfield, E.H. & Shah, Idries, Teachings of Rumi (The Masnavi) / The Spiritual Couplets of Jalaludin Rumi. – 1994.
- 6 Dizdar, Mak, Kameni Spavač (Stone Sleeper). – Sarajevo, 1999. – С. 22-178.
- 7 Jones, Francis, Stone Sleeper (Перевод и замечания). – Sarajevo, 1999. – С. 22-178.
- 8 Ergin, Nevit Oğuz, Diwan-e Shams-e Tabrizi. Selected poems. – Istanbul, 1982.
- 9 Helminski, Kabir Edmund, Love is a Stranger / Threshold Books. – 1993. – С. 35.
- 10 Schimmel, Anne Marie, Look! This is love. – Shambhala Centaur Edition, 1996. – С. 21.